

Сектор газетных и журнальных вырезок Мосгорсправка НК

Мясницкая, 26-Б

Тел. 96-69

Вырезка из газеты

Советское Искусство

Москва

Газета №

Я ВЕРНУСЬ В МОСКВУ

Беседа
с Ф. Мазерелем

Я СТОЮ долгими часами у окна и люблюсь «ландшафтами» новой жизни, — говорит художник.

Франс Мазерель кладет карандаш на стол, отодвигает альбом и закури-
вает.

По улицам Москвы, по ее различным учреждениям — театрам, музеям — я мчусь как человек, перед глазами которого раскрылась панорама неожиданного и нового мира. Я мог бы вам долго и подробно рассказывать о том, как по-разному воспринимается мною ритм людской массы, движущейся по улицам Парижа и новой Москвы. Это не только изобразительный ритм размеренного движения. Это массовое выражение, вполне гармоническое, поступи сотен тысяч людей, направляющихся на работу, на отдых, на весеннюю прогулку.

Конечно, я прежде всего знакомился с московскими учреждениями искусства: с театрами, галереями, мастерскими моих друзей художников, с новыми сооружениями советских архитекторов. Знаете, ведь в Париже я в театр не хожу. В академические — незачем. Они растратили все свое бывшее классическое богатство. В уличные, бульварные также излишне ходить — гораздо плодотворнее уже просто гулять по парижским улицам, по его бульварам, это дает гораздо больше и уму, и сердцу, и глазу. Хожу поэтому только в кино. В Москве, наоборот, за сравнительно короткое время моего пребывания я посетил ряд театров. И я снова стал, как в годы юности, занятым

театралом. В Москве уживаются рядом театры различных стилевых направлений, различных режиссерских школ. И как это ни странно, в каждом из них я смотрел спектакль почти с одинаковым интересом, находя в каждом что-то новое и необычное. «Испанский священник» в МХТ II доказал мне, что означает на деле критическое освоение наследия прошлого. В театре им. Вахтангова Щукин тронул меня до глубины души своим мастерским, темпераментным и философски осмысленным исполнением роли Егора Булычева. В ГОСЕТ артист Михоэлс как будто впервые открыл для меня Шекспира. Я знал, что в Париже комедия Вернейля «Школа неплательщиков» пользуется успехом, что она встречена дружелюбно публикой и частью прессы. Но меня не потянуло пойти посмотреть этот очередной «гвоздь» театрального сезона. Но вот я посмотрел спектакль в театре п/р Завадского. Я знаю, что режиссерская трактовка этой комедии в Москве отлична от парижской. Завадский внес некоторые элементы шаржа, сатирической экзопрессии в свое истолкование этой острой и язвочной комедии. И я не могу не отдать дань восхищения режиссеру и отдельным воплотителям этого столь парижского и в то же время интернационального по типу спектакля. Парижане могли бы смело выстроиться в длинную очередь у входа в этот театр. Многие из них узнали бы себя на его подмостках.

Но вы, конечно, хотите, чтобы я говорил и о работе моих московских собратьев по кисти и карандашу. Сравнительно кратковременного мо-

его общения с московскими художниками было достаточно для того, чтобы понять, с какой остротой и ожесточенностью у вас протекает борьба в основном двух направлений. Это — спокойно-созерцательный, почти фотографический натурализм и все остальное, что ему противостоит и что разными путями и разными средствами ищет средств для прави-

Французский художник
Франс Мазерель

вого отображения окружающего. Должен ли я еще добавить к этому, что мои симпатии целиком на стороне тех, которые пытаются открыть самое типичное и правдивое в жизни, а не тех, кто рабски копирует жизнь. Огромное впечатление произвела на меня ленинградская весенняя вы-

ставка, которую я посетил. Впечатление от выставки в целом для меня важнее, чем подробная оценка отдельных выставленных на ней экспонатов. Правда, — и в этом меня убедило также посещение мастерских отдельных московских художников — по живописному мастерству советские художники еще не обогнали западных мастеров. Вламинк, Сегонзак и другие остаются и поныне непревзойденными мастерами живописи, владеющими в совершенстве техникой своего дела. Но я задумался о другом. Лучшие художники Парижа пишут сейчас только пейзажи. У вас пишут, и неплохо, также и людей. Там крупнейшие мастера, великолепные живописцы, которым, однако, нечего сказать, нечего изобразить. У вас бурно прорываются новые слова даже там, где мастерство еще оставляет желать большего.

В Третьяковской галерее на меня произвела глубокое впечатление выставка Серова. По своей живописной манере этот мастер напоминает представителей французской доимпрессионистической школы. Но он «говорит», он не изображает один только пейзажи. Как много это означает для человека искусства, может почувствовать со всей остротой только художник, воспитанный на традициях современного Запада или восставший против них.

Мне не все понятно в теперешней стадии развития советской архитектуры. Я не мог уяснить себе место, которое в общем ансамбле социалистической Москвы должен занимать по-своему бесспорно замечательный наладнианский дом академика Жолтовского на Моховой улице. Я не приемлю также элементарной декора-

тивности автора гостиницы Моссовета. Но я понимаю и чувствую смелую пластичность архитектора, спроектировавшего дом СТО. Я не безоговорочный сторонник архитектуры Корбюзье, но построенный по его проекту дом Центросоюза на улице Кирова мне кажется одним из наиболее насыщенных мыслью и пластической сооружений новой Москвы. Но в одном я убедился: советские архитекторы ищут, и государство дает им все возможности работать над созданием нового стиля эпохи.

Мне известен почтенный возраст Москвы и все же я не могу отделаться от радостного впечатления, что я шагаю по улицам, живу в комнате гостиницы города, который только возникает.

Художник уезжает на днях в путешествие по советской Украине, затем он возвращается в Париж.

Но вскоре я вернусь обратно в Москву. И на этот раз уже не как турист и не как гость. Жизнь, которую я увидел, зовет меня. Я хочу стать не только дружественным наблюдателем, но и активным, непосредственным участником этой жизни. До свидания!